

Грамматикализация tá ‘некий’ в лоома
Daria Mishchenko

► **To cite this version:**

Daria Mishchenko. Грамматикализация tá ‘некий’ в лоома . Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, 2016, 12 (1), pp.619-634. <halshs-01375068>

HAL Id: halshs-01375068

<https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01375068>

Submitted on 4 Oct 2016

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L’archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d’enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Д. Ф. Мищенко

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург — LLACAN CNRS, Париж

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО

*ТА 'ОДИН' В ЛООМА¹

1. Введение

Данная работа представляет собой обзор путей развития, пройденных числительным *tà 'один' в лоома (< юго-западные манде, далее ЮЗМ). Основой для анализа послужили полевые материалы, собранные в ходе работы с информантом — носителем центрального гвинейского диалекта вои-балага. Кроме того, для сопоставления с данными вои-балага я буду привлекать сведения о других описанных диалектах лоома и данные по другим языкам группы.

В лоома, как и в большинстве других языков ЮЗМ, исходное нумеративное значение было полностью утрачено. Как видно из (1), в функции количественного числительного 'один' в современном лоома употребляется числительное *gìlâg*. По-видимому, оно представляет собой давнее заимствование из языков группы манден [Выдрин 1987: 46], ср. современные формы в языках этой группы: мандинка *kiliŋ*, бамана, манинка *kéle*, манинка-кита *kilin*, кагоро *kéle, kili* [Выдрин, рук.].

- (1) *Gè mìnáá gílâ-gì nɔ̃ mi-ʋè.*
1SG.BASE REF\банан один-DEF только есть-RES
'Я съел только один банан'.

Тем не менее, исходное значение 'один' корень *tà*-сохраняет в составе этимологически сложных

---

¹ This work is supported by a public grant overseen by the French National Research Agency (ANR) as part of the "Investissements d'Avenir" program (reference: ANR-10-LABX-0083)).

числительных. Рассмотрим числительные от 1 до 10, представленные в Таблице 1.

Таблица 1. Числительные от 1 до 10 в ЮЗМ

1 <i>gílàg</i>	6 <i>dòzità</i>
2 <i>félé(gò)</i>	7 <i>dófelà</i>
3 <i>sáwà(gò)</i>	8 <i>dózáwà</i>
4 <i>náání(gò)</i>	9 <i>tàwù(gò)</i>
5 <i>dóólù(gò)</i>	10 <i>pù(gò)</i>

Как видно из Таблицы, формы числительных от 6 до 8 образованы путём сложения корней 'пять' и 'один', 'два' или 'три', соответственно. Эти факты свидетельствуют о том, что по происхождению система счёта в лоома является пятеричной, хотя на синхронном уровне она последовательно десятирична (подробнее о системах счёта в ЮЗМ см. [Мищенко 2013]). Внутренняя форма числительного *tàwù(gò)* 'девять' иконически выражает значение 'один до десяти': оно образовано сложением корней 'один' и 'десять'. Таким образом, корень *tà-* с исходным значением 'один' обнаруживается в составе сразу 2 числительных, *dòzità* 'шесть' и *tàwù(gò)* 'девять'.

2. Грамматикализация числительного 'один' в типологической перспективе

Известно, что числительное 'один' в различных языках мира часто становится источником для появления новых единиц с иными семантическими² и грамматическими

---

² В рамках данной статьи я буду придерживаться широкого понимания грамматикализации, при котором она определяется как переход от менее грамматического к более грамматическому, ср. определение Е. Куриловича: «грамматикализация состоит в

свойствами. Согласно [Heine, Kuteva 2002], основные пути грамматикализации числительного 'один' включают развитие следующих функций и значений (в скобках указаны языки, в которых фиксируется подобный процесс):

- 1) 'единственный' (немецкий, тондано (< австронезийские), эве (< ква));
- 2) неопределённый артикль (албанский, английский, баскский, немецкий, французский и многие другие);
- 3) неопределённое местоимение (абхазский, немецкий, испанский, итальянский и многие другие);
- 4) 'только' (английский, болгарский, лезгинский, немецкий, эве и другие);
- 5) 'другой' (булу (< банту), ягария (< транс-новогвинейские));
- 6) 'тот же' (русский, суахили) или 'то же' (албанский);
- 7) показатель сингулятива (сохо (< афразийские), акатек (< майянские));
- 8) 'приблизительно' (баскский, лезгинский, тамильский, ягария и другие);
- 9) 'вместе' (болгарский, суахили, эве).

Как будет показано далее, многие из этих стратегий реализуются и в языках ЮЗМ, в том числе в лоома. В то же время, данные этих языков свидетельствуют о том, что возможны и другие пути развития. Рассмотрим конкретные примеры.

3. Результаты грамматикализации *ta 'один' в лоома

расширении сферы употребления (*range*) морфемы, получающей из лексического грамматический статус или из менее грамматического более грамматический (например, из словообразовательного словоизменяемый)» [Kuryłowicz 1965: 69]. Таким образом, основным признаком грамматикализационного процесса будут признаваться семантические изменения: утрата более конкретного лексического значения и приобретение способности выражать более абстрактное, контекстно обусловленное значение (ср. также подход Б. Хайне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2002: 3]).

3.1. Неопределённый детерминатив/неопределённое местоимение

Развитие языковых единиц с семантикой неопределённости — неопределённых детерминативов и неопределённых местоимений — является, пожалуй, самым распространённым результатом грамматикализации числительного 'один' [Givón 1981, 1984; Haspelmath 1997; Heine 1997; Hopper and Martin 1987; Lehmann 1982]. Как видно из примера (2), этот путь грамматикализации характерен и для лоома:

- (2) *Zúnú-y tá³ yèà úá-ní.*
REF\мужчина-DEFнекоторый быть.PRFX приходить-AOR
'Некий мужчина приходил'.

В подобных употреблениях *tá* способно выражать референтное сильно ('какой-то') и слабо ('кое-какой') неопределённое значение. Нереферентные значения для *tá*, по-видимому, нехарактерны.

Может возникнуть вопрос: в самом ли деле перед нами новая единица, а не просто числительное, употреблённое в переносном значении? Для того, чтобы выяснить, к какому классу единиц относится *tá* в примерах типа (2), сравним морфонологические и морфонологические свойства типичных количественных числительных и типичных детерминативов.

Количественные числительные способны присоединять определённый артикль -*y* и показатель мн. ч. - *tíg*, правда, оба они факультативны. Так, например,

---

³ Высокий тон детерминатива *tá* (в то время как для числительного реконструируется низкий тон) является результатом произошедшей в лоома и зило инверсии праязыковых тонов, из-за которой лексические тоны большинства лексем в этих языках противоположны тонам соответствующих лексем в других языках ЮЗМ [Dwyer 1973, Babaev 2011], и не свидетельствует о каких-либо процессах, сопровождающих его грамматикализацию.

значение ‘пять свиней’ может быть выражено как минимум⁴ тремя способами⁵:

- (3) *bóí dǒǒlù-gǒ* /*bóí dǒǒlù-gǒ-y*
REF\свинья пять-DEF.NUM REF\свинья пять-DEF.NUM-DEF
/bóí dǒǒlù-gǒ-y-tì
REF\свинья пять-DEF.NUM-DEF-PL
‘пять свиней’

Некоторые количественные числительные подвержены действию правила чередования начального согласного. Суть этого морфонологического явления в ЮЗМ заключается в том, что в ряде морфосинтаксических контекстов одни морфемы вызывают появление «слабого» начального согласного последующей морфемы, а после других сохраняется «сильный» начальный согласный. Ср. (4a–b), где основа *minààg* ‘банан’ способствует сохранению «сильного» начального согласного *dǒǒlù* ‘пять’, а *nù* ‘человек’ провоцирует его «ослабление»:

- (4a) *Gè mínáá dǒǒlù-gǒ yáávé.*
1SG.BASE REF\банан пять-DEF.NUM видеть.RES
‘Я увидел пять бананов’.

- (4b) *Gè nú lǒǒlù-gǒ yáávé.*
1SG.BASE REF\человек пять-DEF.NUM видеть.RES
‘Я увидел пять человек’.

В то же время нужно отметить, что начальный согласный числительных *félé* ‘два’, *tàwù* ‘девять’ и *pù* ‘десять’ не подвержен изменению.

В отличие от количественных числительных, типичные детерминативы не способны присоединять определённый артикль -y:

---

⁴ Существительное также может присоединять определённый артикль и показатель множественного числа, однако это происходит значительно реже.

⁵ Поскольку в лоома показатель *-tìg* присоединяется к именам только в том случае, если они оформлены определённым артиклем -y или определённым локативным артиклем *-vè*, четвёртая возможность, форма **dǒǒlù-gǒ-tì*, исключена.

- (5) *pélé nà-y
 REF\дорога тот-DEF
 Ожид.: 'та дорога'

Однако они могут факультативно присоединять показатель мн. ч. -*tig*:

- (6) pélé nà-(tì)
 REF\дорога тот-PL
 'те дороги'

Наконец, детерминативы не подвержены действию правила чередования начального согласного. Так, после *bàzà* 'платок' ожидается появление слабого альтернанта /t/ — /l/, однако, как видно из (7), чередования не происходит:

- (7) *Bàzà téy kà gá dèè*
 REF\платок этот PRES.COP с 1SG.PI\мать
nǎnǎ
 3SG.ABS.POSS
 'Это платок моей матери' (букв. 'Этот платок — собственность моей матери').

Суммируем перечисленные свойства количественных числительных и детерминативов в Таблице 2:

Таблица 2. Морфологические и морфонологические свойства количественных числительных и детерминативов

	числительное	детерминатив
определённый артикль -y	факультативн o	нет
показатель мн. ч. - <i>tig</i>	факультативн o	факультативн o
чередование начального согласного	некоторые	нет

Теперь, чтобы определить, чем же является *tá* ‘некоторый’ — количественным числительным или детерминативом, — рассмотрим его морфологические и морфонологические свойства:

- (8) *Zúnú-y tá-(*y)-(*tí) gá*
 REF\мужчина-DEFнекоторый-DEF-PL 1PL.POSS
láázú-úε tí-γáá báá-zù
 деревня-DEF.LOC 3PL.PI-поверхность быть.трудным-IPFV
gbɛ̀l̩̀ɛ̀z̩̀ɛ̀ wòò-y zù.
 кпелле голос-DEF в
 ‘Некоторые мужчины в нашей деревне разбираются в языке кпелле’.

Как видно из этого примера, *tá* не присоединяет определённый артикль и показатель множественного числа и не подвергается чередованию начального согласного, хотя после определённого артикля *-y* ожидается появление «слабого» альтернанта. Таким образом, *tá* ‘некоторый’ по своим морфонологическим и морфологическим свойствам является детерминантом, а не числительным.

Пример (8) демонстрирует ещё одну особенность *tá* — полисемию 1) ‘некоторый’ 2) ‘несколько’, т. е. выражает значения неопределённости и небольшого неопределённого количества. По-видимому, во многом эта особенность определяется факультативностью показателя множественного числа. Подобная полисемия типологически не уникальна, достаточно вспомнить английское *some*. Фиксируется она и в других языках ЮЗМ, например, в зиало, ср.:

- ЗИАЛО
- (9) *Nú-y tà vâ-â.*
 REF\человек-DEF некий приходит-PRF
 ‘Кто-то пришёл’. [Бабаев 2011: 131]
- (10) *Gè báálá-y tà lǝ-gǝ táá wòlìvèlè-y.*

3SG.PI\некий только покупать
 'Я просил тебя купить много апельсинов, а ты купил
 всего несколько'.

Косвенным аргументом в пользу такой трактовки
 служат данные близкородственных языков. Так, в кпепле *tá*
 'один. некий' употребляется только в качестве зависимого в
 составе ИГ:

- КПФПФ
 (12) *Dǎ-nǎǎ dǐ nǎ.*
 3SG\некоторый-PI. 3PI.BASEприходить\L
 'Некоторые (люди) пришли'. [Коношенко л. с.]

И всё же грамматические особенности одного языка
 не могут быть признаны решающими для обоснования того
 или иного решения в отношении другого языка, а
 внутренние данные лоома, судя по всему, в равной мере
 допускают обе трактовки.

3.2. Детерминатив *tánìgà* 'несколько'

Этимологически связан с числительным 'один' и
 детерминатив *tánìgà* 'несколько':

- (13) *Kpéléyá-y yílázù-ùè tánìgà tá*
 REF\мачете-DEF половина-DEF.LOC несколько 3PL.NPST
nǎ tí gǎ dènúmù-ì-tì tǎnǎ-y
 там 3PL.BASEС женщина-DEF-PL 3PL.ABS.POSS-DEF
tí-yáá là lì-nì.
 3PL.PI\поверхность NEG идти-AOR
 'Среди большинства мачете есть несколько
 принадлежащих женщинам, которые (мачете) плохо
 заточены'.

Вероятно, детерминатив *tánìgà* 'несколько' был
 образован от *tá* 'некий' путём присоединения показателя
 ассоциативного мн. ч. *-nìg*. Однако в современном лоома
 эта форма подверглась опрощению, а потому формы мн. ч.
 образуются путём повторного присоединения *-nìg*:

- (14) *Záá súbú-y yèybò-nú*
 сегодня REF\утро-DEF кузнечное.ремесло-человек

kááli   *tánigà-ní*   *kpéé-úé.*
 REF\мотыга.DEF   несколько-ASS.PLизготовлять-RES
 ‘Сегодня утром кузнец починил несколько мотыг’.

Tánigà ‘несколько’ употребляется только в атрибутивной функции в составе ИГ и не может выступать в качестве самостоятельной прономинальной группы.

3.3. *Детерминатив/местоимение tágǒ ‘немного, некоторое количество’*

Другим направлением развития для числительного *tá ‘один’ в лоома стало образование детерминатива *tágǒ* ‘немного’, употребление которого иллюстрирует следующий пример:

(15) *Zíá*   *bádí*   *tágǒ*   *vè*   *zèà.*
 REF\вода   быть.горячимнемногодавать 1SG.OBL
 ‘Дай мне немного горячей воды’.

Эта форма, вероятнее всего, восходит к сочетанию числительного с определённым суффиксом числительных -*gǒ*, ср. *félé(gǒ)* ‘два’, *sáwá(gǒ)* ‘три’, *nááni(gǒ)* ‘четыре’, *dǒǒlù(gǒ)* ‘пять’ и т. д. В то же в составе числительных время -*gǒ* в составе числительных всегда имеет низкий тон, даже если он присоединяется к высокотоновому числительному, как в случае с *félé(gǒ)* ‘два’. Ровный же высокий тон *tágǒ* ‘немного’ свидетельствует о том, что перед нами новая единица, более не членимая на морфемы.

Однако для того, чтобы убедиться, что *tágǒ* не является числительным, вновь обратимся к его морфологическим и морфонологическим свойствам. Из (15) видно, что это слово не подвержено чередованию начального согласного: хотя *kpádí* ‘быть горячим’ вызывает «ослабление» начального согласного следующей за ним морфемы, *tágǒ* сохраняет свой «сильный» начальный согласный. Кроме того, *tágǒ*, в отличие от количественных числительных, не присоединяет определённый артикль и показатель определенного множественного числа, так что невозможно (15’):

(15’) *Zíá*   *bádí*   *tágǒ-(*)y*   *vè*   *zèà.*

REF\вода быть.горячимнемного-DEF давать 1SG.OBL
'Дай мне немного горячей воды'.

Таким образом, *tágó* демонстрирует свойства детерминатива, а не числительного.

Что же касается потенциальной возможности употребления в прономинальной функции, данные лоома снова не позволяют принять однозначное решение. В самом деле, встречаются употребления типа (16):

(16) *E tágó mi-úé.*
3SG.BASE немногоесть.TR-RES
'Он съел немного'.

Однако высокий тон и «сильный» начальный согласный вновь дают возможность альтернативной трактовки: как и в случае с *tá* 'некоторый', можно считать, что в примерах типа (16) перед нами не местоимение, а детерминатив при «пустом» местоименном индексе 3 л. ед. ч. (*ń*). Тогда (16) можно представить как (16'):

(16') *E tágó mi-úé.*
3SG.BASE 3SG.PI\немного есть.TR-RES
'Он съел немного'.

3.4. Наречие *lágó* 'немного'

Производным от детерминатива *lágó* 'немного' является наречие 'немного', представленное формой со «слабым» начальным согласным:

(17) *Síáúé lágó.*
3SG.PI\ходить.RESнемного
'Он немного прошёл пешком'.

Lágó обладает необычным для наречия свойством: оно может употребляться в препозиции к глаголу, т. е. в позиции, которую в норме занимает прямое дополнение. Можно было бы предположить, что в этом случае непереходные глаголы просто становятся синтаксически переходными, однако употребление *lágó* в препозитивной позиции возможно даже с теми немногочисленными в вои-балага глаголами, которые являются лексически

непереходными, ср. (16) и (18), где употреблена пара глаголов, различающихся переходностью: *mì-* является переходным, а *dàmi-* — непереходным:

- (18) *E lágó làmi-úé.*
3SG.BASE немногоесть.INTR-RES
'Он поел немного'.

Поскольку глагол *dàmi-* 'есть' не допускает такого синтаксического преобразования, при котором синтаксическое подлежащее выражало бы пациентивного участника (иными словами, невозможна конструкция с пассивным значением типа (19)), очевидно, что в примерах типа (18) *lágó* не является прямым дополнением.

- (19) **Lágó làmi-úé.*
немногоесть.INTR-RES
Ожид.: 'Немного съедено'.

Таким образом, не остаётся ничего иного, кроме как признать *lágó* 'немного' наречием с необычными позиционными свойствами.

Альтернативную трактовку в своей грамматике [Prost 1967], основанной материалах диалекта лулама, предлагает А. Прост. Он считает, что в случаях типа (16), с одной стороны, и в случаях типа (17)–(18), с другой, употребляется одна и та же единица *tagɔ/lagɔ*. А. Прост рассматривает её как неопределённое числительное (*numéral à valeur indéterminée*) и отмечает, что при абсолютном употреблении её свойства при употреблении в препозиции зависят от переходности/непереходности глагола:

Antéposé au verbe, il apparaît sous la forme lagɔ si le verbe est intransitif, et tagɔ, s'il est transitif:

é lagɔ ziaave nɔ□, il a marché un peu seulement

é lagɔ logave, il s'est arrêté un peu

é tagɔ miave, il a mangé un peu

é tagɔ zigave, elle a pilé un peu [Prost 1967: 36].

Однако если предположить, что это действительно одна и та же единица, остаётся непонятным, почему в одних случаях она употребляется с «сильным» начальным

согласным, а в других — со «слабым». Если в двух последних примерах из приведённой выше цитаты ещё можно постулировать наличие при числительном местоименного индекса 3 л. ед. ч., как я делала это в случае (16)–(16')⁶, объяснить появление «сильного» альтернанта у единицы, чей начальный согласный, в соответствии с гипотезой, способен к чередованию, в контекстах, провоцирующих появление «слабого» начального согласного, как в (20), невозможно:

- (20) *Moluytagɔ ve*⁷.
 REF\рис немного-DEF давать
 'Дай (мне) немного риса' [Prost 1967: 36].

Таким образом, и в лулама, как и в вои-балага, вероятнее всего, следует выделять две единицы: детерминатив (или числительное) *tagɔ* и наречие *lagɔ*.

3.5. Префикс *tá-* с набором рефактивных значений

Наиболее необычным с типологической точки зрения является грамматикализация числительного *tá 'один' в показатель рефактива. Обратимся к примеру (21), иллюстрирующему префиксальное употребление *tá-*:

- (21) *Kpɔ́ɔ-y tá-wú gúlúwúlú-gí mà míté-y*
 REF\соль-DEF REP-лить REF\соус-DEF на REF\ложка-
 DEF
yílá.
 один
 'Добавь в соус одну ложку соли' (букв. 'Насыпь соли в соус одной ложкой').

Прежде всего необходимо доказать правильность проведения морфемных границ: в самом ли деле *tá-* здесь является глагольной приставкой, а не частью ИГ — прямого

---

⁶ Впрочем, в отсутствие регулярной тональной нотации (А. Прост обозначает только грамматические тоны) предполагать наличие высокотонного местоименного индекса 3 л. ед. ч. в составе этой формы ещё сложнее.

⁷ Глоссирование моё.

дополнения? Свойство неотделимости указывает на префиксальный статус этой морфемы. Дело в том, что в лоома показатели отрицания и вспомогательные глаголы помещаются в позицию между подлежащим и глаголом, следовательно, если *tá-* входит в состав ИГ — подлежащего, она будет «оторвана» от глагола. Однако, как видно из (22), этого не происходит:

(22) *Kpólá-y lá tá-wú-ní gúlúwúlú-gí má.*
 REF\соль-DEF NEG REP-лить-AOR REF\соус-DEF на
 ‘Соль не добавлена в соус’.

Префикс *tá-* непродуктивен: он присоединяется лишь к небольшой группе глаголов, в первую очередь, с семантикой помещения или изъятия объекта куда-либо/откуда-либо:

dá ‘лежать; класть’,
kúlá ‘выходить; выводить’,
pú ‘лить; литься’,
tò ‘падать; ронять’ и некоторых других,

а также к нескольким другим глаголам, таким, как *kalàg* ‘читать’ или *pónég* ‘писать’.

Конкретное значение, которое выражают производные префиксальные глаголы, зависит от контекста. Повидимому, исходным является одно из периферийных значений рефактивной зоны — значение аддитива (‘реализация ситуации с дополнительной порцией инкрементального участника’ [Стойнова 2012а: 913]):

(23) *Tá-lá má gá wà gílà.*
 REP-класть 3SG.PI\на с тысяча один
 (Мне не хватает денег.) ‘Добавь одну тысячу’.

Это значение является дефолтным и реализуется в минимальном контексте. Однако в соответствующей ситуации употребления глагол может выражать также репетитивное значение (однократное повторение ситуации):

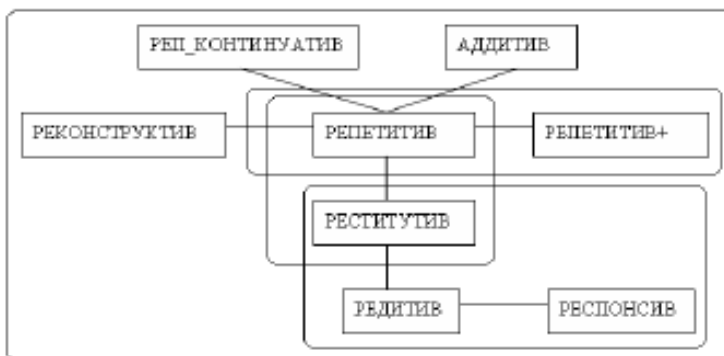
(24) *Tá-yàlà!*

REP-читать

1. 'Почитай ещё!'
2. 'Перечитай ещё раз!'

Таким образом, рефактивный показатель в лоома покрывает две смежные зоны рефактивных значений: центральную для рефактива зону репетитива и периферийную зону аддитива. Связи между этими и другими значениями рефактивной зоны представлены на схеме:

Рисунок 1. Семантическая карта рефактивной зоны

[Стойнова 2012а: 875]

Диахронические источники рефактивных показателей остаются малоизученными; тем не менее, доступные на данный момент сведения позволяют утверждать, что развитие их из числительного 'один' типологически неожиданно. В [Heine, Kuteva 2002], где рефактивные значения рассматриваются как разновидность итеративных, в качестве источников грамматикализации показателей с соответствующим значением упоминаются только глаголы 'возвращаться', 'повторять' и 'делать заново'; Н. М. Стойнова в [Стойнова 2012b] ограничивается анализом глагольных источников рефактива и, следовательно, также не упоминает числительное 'один' среди диахронических источников таких показателей. Однако одной из семантических групп глаголов-источников

рефактива, по её словам, являются «глаголы с семантикой повторения, многократности, увеличения» [Стойнова 2012b: 196]. Так, Н. М. Стойнова приводит пример языка этон (банту), где источником рефактива послужила конструкция с глаголом *bágbâ* ‘добавлять’ [Стойнова 2012b: 197–198]. Можно предположить, что и в лоома логика развития этого показателя была той же, с той разницей, что исходной единицей был не глагол, а детерминатив со значением неопределённого количества:

‘некоторый, несколько’ > ‘добавить некоторое количество’ > ‘повторить с дополнительной порцией участника’ (аддитив) > ‘повторить один раз’ (репетитив)

Показатель рефактива, восходящий к числительному ‘один’, зафиксирован также в другом языке ЮЗМ, зиало. Судя по примерам, которые приводит К. В. Бабаев в грамматике зиало, рефактивные (а именно аддитивное) значения являются для этого показателя основными, ср. следующее предложение:

ЗИАЛО
(25) *nãgá li tàgùlã⁸ dápá-y wá*
1SG.IPFV идти уменьшаться REF\сумка-DEF PP

---

⁸ Глагол *tàgùlã* ~ *tàwùlã* ‘уменьшать(ся)’, по мнению автора, связан с прилагательным *kúló* ‘маленький’ [Бабаев 2011: 122], однако более вероятным, на мой взгляд, является образование префиксального глагола от глагола *kúlá g/gúlág* ‘вынимать, вытаскивать’; дополнительным аргументом в пользу такого вывода служит вариативность форм глагола *tàgùlã* ~ *tàwùlã* ‘уменьшать(ся)’: дело в том, что регулярным «слабым» альтернантом /k/ в зиало является /w/, однако в редких случаях наблюдается нерегулярное чередование /k/ с /g/; именно такое нерегулярное чередование наблюдается в форме *tàgùlã*. Нерегулярное чередование характерно и для прилагательного *kúló* ‘маленький’, и для глагола *kúlá g* ‘вынимать, вытаскивать’, однако только у глагола, но не у прилагательного, помимо частотной нерегулярной формы *gúlág* фиксируется и более редкий регулярный вариант *wúlá g* [там же: 71].

‘Я собираюсь уменьшить сумку в размере’.

[Бабаев 2011: 192]

Однако сам автор формулирует значение приставки иначе: по его словам, «(з)начение префиксальных глаголов с *tá-* обычно персонифицированное или рефлексивное:

wɛ̃ ‘встречаться, собираться’ — *távɛ̃* ‘собирать для себя’;

tò ‘оставаться’ — *tálo* ‘оставлять, держать для себя’;

kúló ‘маленький’ — *tàgùlà/tàwùlà* ‘уменьшать’» [там же: 239].

Сложно сказать, что имеется в виду под «персонифицированным» значением, но фразовые примеры, встречающиеся в грамматике, вряд ли дают основание и для постулирования у глагольный префикс *tá-* значения рефлексивного бенефактива (‘делать что-либо для себя’). Тем не менее предположим, что рефлексивно-бенефактивное значение всё же присуще этой приставке и просто не отражается автором последовательно при переводе предложений. Подобная полисемия рефактивных показателей зафиксирована и в некоторых языках: Н. М. Стойнова упоминает в их числе бабин-вицувитен (аталасские < на-дене) и карок (хока), а среди языков с лексическим рефактивом — кантонский китайский [Стойнова 2012: 922–923], ср.:

КАРОК (хока, Калифорния)

(26) [?]*áko* ‘ударить’ — *p-áko* ‘ударить ещё раз’

iykara ‘убивать’ — *p-iykara* ‘убивать для себя, например, забивать (скот)’

[Bright 1957: 88], цит. по [Стойнова 2012: 922]

Предположительно значение рефлексивного бенефактива связано с рефактивной зоной через значение редитива (‘вернуться в исходную точку’): «Для данного типа полисемии естественнее всего предполагать метафорический перенос типа ‘делать обратно’ → ‘делать обратно к себе’ → ‘делать в свою пользу’» [Стойнова 2012: 923]. Однако сведений о редитивных употреблениях префикса *tá-* в зяло нет, по крайней мере, они не

упоминаются в грамматике К. В. Бабаевым и не встречаются среди приведённых им фразовых примеров и в текстах. Таким образом, если глагольный префикс *ta-* в зило действительно совмещает значения рефактива и рефлексивного бенефактива, данные этого языка противоречат гипотезе Н. М. Стойновой о семантической связи этих значений.

Наконец, необходимо упомянуть ещё один удивительный факт: в какабе, ещё одном языке семьи манде (группа моколе), имеется продуктивный рефактивный префикс, сегментно совпадающий с показателем рефактива в лоома:

- (27) *N bati Séeku ta-kéle.*
1SG PRF Секу REP-звать
'Я снова позвал Секу' (в первый раз он не откликнулся).

[Выдрина л. с.]

По свидетельству А. В. Выдриной (личное сообщение), *ta-* в какабе способен выражать целый ряд значений рефактивной зоны: репетитив (27), репетитив с нетождественным участником ('повторение ситуации с новым участником'), редитив, рефактивный континуатив ('продолжить после перерыва'), реститутив ('вернуться в исходное состояние'), реконструктив ('сделать ещё раз по-другому, лучше'), а также значения оценочной модальности и глагольной множественности. Таким образом, *ta-* в какабе относится к типу широкого рефактива, совмещающего «все центральные значения рефактивной зоны (редитив, реститутив и репетитив) и в некоторых случаях также тот или иной набор периферийных значений» [Стойнова 2012b: 65]; именно такой тип совмещения рефактивных значений является типологически наиболее распространённым [там же: 68], а следовательно, рефактив в какабе представляет собой «прототипический» рефактив.

Что же касается происхождения показателя *ta-* в какабе, то, к сожалению, сведения об этом отсутствуют. Можно лишь с уверенностью сказать, что с числительным

‘один’ показатель рефактива здесь не связан: в какабе оно представлено формой *kélen*, и рефлексов корня **tá* в других словоформах не обнаруживается.

Формальное совпадение показателей рефактива в какабе и лоома, а также продуктивность и развитая полисемия префикса *ta-* в какабе подталкивают к предположению о том, что рефактивный показатель в лоома был заимствован из какабе. Свидетельств в пользу такой гипотезы, однако, нет: какабе и лоома не контактировали друг с другом, и каких-либо других случаев заимствования из одного языка в другой не зафиксировано.

4. Заключение

Итак, в современном лоома числительное **tá* ‘один’ сохраняет своё исходное нумеративное значение лишь в составе этимологически сложных форм числительных от 6 до 9. Однако оно стало источником грамматикализации нескольких единиц с семантикой неопределённости и небольшого количества, что с типологической точки зрения является наиболее вероятным путём его развития. Интересно, что форма и синтаксические особенности некоторых из этих единиц допускают их неоднозначную морфологическую трактовку. Более удивительной представляется грамматикализация числительного **tá* ‘один’ в показатель рефактива, зафиксированная не только в лоома, но в близкородственном ему зиало. Типологическая необычность такого пути грамматикализации, специфичность полисемии показателя и наличие в какабе формально идентичного показателя может поставить под сомнение сам факт этимологической связи рефактивного показателя с числительным ‘один’, однако предложенная схема развития семантики через значение аддитива, как представляется, делает такой путь развития для лоома правдоподобным.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютный; AOR — аорист; ASS — ассоциативный; BASE — базовый; COP — копула; DEF —

определённый; INTR — непереходный; IPFV — имперфект; L — понижение тона; LOC — локативный; NEG — отрицание; NUM — нумеративный; OBL — местоимение косвеннообъектной серии; PI — местоименный индекс; PL — множественное число; POSS — посессивный; PRES — презентативный; PRF — перфект; REF — референтный; REP — рефактив; RES — результатив; SG — единственное число; TR — переходный.

Литература

- Бабаев 2011 — К. В. Бабаев. Язык зиало: Очерк грамматики и словарь. М.: РГГУ, 2011.
- Выдрин рук. – В. Ф. Выдрин. Сравнительный словарь языков манде. Рукопись.
- Выдрин 1987 — В. Ф. Выдрин. Язык лоома. М.: Наука, 1987.
- Мищенко 2013 — Д. Ф. Мищенко. Серии числительных в системах юго-западных манде // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 161–170.
- Стойнова 2012a — Н. М. Стойнова. Рефактив и смежные глагольные значения // В. А. Плунгян (отв. ред.). Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII: Исследования по теории грамматики. Ч. 2. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. С. 867–949.
- Стойнова 2012b — Н. М. Стойнова. Типология глагольных показателей рефактива: модели полисемии и структура семантической зоны. Автореф. дисс. ... канд. филол. н. МГУ, Москва, 2012.
- Bright 1957 — W. Bright. The Karok language. Berkeley: University of California Press, 1957.
- Givón 1981 — T. Givón. On the development of the numeral 'one' as an indefinite marker // Folia Linguistica Historica 2, 1, 1981. P. 35–53.
- Givón 1984 — T. Givón. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. 1. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1984.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford, Clarendon Press, 1997.
- Heine 1997 — B. Heine. Cognitive foundations of grammar. Oxford — New York: Oxford University Press, 1997.

- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hopper, Martin 1987 — P. Hopper, J. Martin. Structuralism and diachrony: The development of the indefinite article in English // A. G. Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds.). *Papers from the 7th International Conference on Historical Linguistics [Current Issues in Linguistic Theories 48]*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1987. P. 295–304.
- Kuryiowicz 1965 — J. Kuryiowicz. The evolution of grammatical categories // *Diogenes* 51, 1965. P. 55–71.
- Lehmann 1982 — C. Lehmann. Thoughts on grammaticalization. A programmatic sketch. Vol. 1 [AKUP (Arbeiten des Kolner Universalien-Projekts) 48]. Cologne: Institut für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln, 1982.
- Prost 1967 — A. Prost. *La langue Lɔghɔma. Esquisse grammaticale suivie de textes et d'un glossaire* [Documents linguistiques 13]. Université de Dakar, 1967.